

– Отец мой, – сказал тогда король, – не могу, перед Богом, простить это преступление: слишком оно велико. Пришлось бы мне когда-нибудь ответить за это поставившему меня верховным судьей своего народа.

Бедный отец, увидя неизбежность осуждения своему несчастному потомству, не нашел иного прибежища, как плач и рыдания.

Тем временем приговор объявлен преступникам. Дают им время исповедаться.

– Смелей, брат, – говорит тогда Доралиса, – умирать, так умирать достойно. Пора нам понести наказание, которое мы заслужили. Не будем бояться исповедать грех наш перед людьми, если надо будет скоро отвечать за него перед Богом. Велико его милосердие, дорогой брат. Он нам простит, только бы имели мы истинное сокрушение о грехах наших. Увы, господа, – говорит она затем судьям, – признаю, что по справедливости заслужила я смерть, но прошу вас избрать ее для меня самую, какую только можно, жестокую, лишь бы вы сохранили жизнь этому бедному дворянину. Я ведь всему злу причиной, мне и должно одной понести наказание, к тому же и большая молодость его должна побудить вас к состраданию. Он еще может при случае послужить государю своему.

Такую речь держала она к обоим судьям, чтобы заставить их пожалеть брата. Но то были даром потраченные слова. Приговор был уже вынесен и она предана в руки исполнителя высшего правосудия. Казнь произошла на Гревской площади. Никогда еще не видели такого стечения народа, как при этом зрелище. Площадь была переполнена настолько, что давили друг друга. Окна и крыши домов были все заняты.

Первым лицом, появившимся на этом позорном театре, была Доралиса, проявившая столько смелости и решимости, что все дивились ее самообладанию. Присутствовавшие не могли запретить своим глазам оплакивать эту красавицу. И действительно, так она была хороша, что на всем свете трудно было найти, с кем бы можно было ее сравнить. Когда она взошла на эшафот, казалось, что будет играть вымышленную, а не настоящую трагедию: ни разу не побледнела она. Бросив взор направо и налево, она возвела его к небу и, сложив руки, стала молиться так:

– Господи, пришедший в мир к грешнику, а не к праведнику, сжался над этой бедной грешницей и сделай так, чтобы постыдная смерть, которую сейчас примет ее тело, обратилась бы в честную жизнь для души ее. Прости еще, Боже милостивый, бедному брату моему, умоляющему вас о пощаде. Согрешили мы, Господи, согрелили, но вспомни, что мы создание рук твоих. Прости беззаконие наше не в милость греху, но в милость людям, кому грех от утробы материнской следует.

Окончив молитву, она сама расстегнулась, не желая допустить палача прикоснуться к ней. Отстегнув воротник, она стала на эшафот. Палач завязал ей глаза и, в то время, как она поручила душу свою Богу, одним ударом отделил голову от прекрасного тела, красота которого была омрачена ужасной страстью. Когда эта казнь совершилась, один из прислужников палача оттащил тело в сторону и, влача его, открыл до половины ноги, обнаружив ярко-красный чулок; это так возмутило палача, который и сам не мог удержаться от слез, равно как и все присутствующие, что он ударил слугу ногой, да так сильно, что сбросил его с эшафота.

И правда, хоть и заслужила смерть эта красавица, ко от такого гнусного обращения избавить ее надлежало как из уважения к дому, из какого она произошла, так и из-за благочестивой кончины, только что ею принятой.

Весь народ не переставал еще горькими слезами плакать, как ввели брата на помост. Если сильно было сострадание, овладевшее собранием по отношению к сестре, жалость, охватившая его при виде брата, была не меньшей. Ему можно было дать не более 20 лет, легкий пух, вестник юности, едва пробивался на щеках его. Он был живым подобием сестры, как мы уже сказали, то есть был одарен поразительной красотой. Когда он увидел, что эта великолепная голова отделена от столь прекрасной шеи, готов он был тут же испустить дух, не ожидая действий палача.

– Увы, – сказал он себе, – бедная сестра моя, почему не применили всю возможную жестокость ко мне одному, чтобы только вам жизнь сохранить и ограничиться заключением вас в какой-нибудь монастырь. Нет муки настолько страшной, чтобы я не вынес ее с радостью. Душа моя, оставя тогда это несчастное тело, блаженствовала бы оттого, что не увидит мертвой ту, кому я принес теперь смерть. Надлежало бы извинить ее слабость, всю вину обратя на меня, главного виновника преступления. О, Боже, сжался над ее душой и над моей, у которой прибежище только в милосердии твоём.